

— Мы все молодые люди, нам есть о чём поговорить. Не правда ли?

Цзинь Линьюэ слегка кивнул в знак согласия.

Музыка смолкла, гости разошлись.

Бай Юйхуэй, выпивший совсем немного, велел слугам каждой из семей позаботиться о своих господах и, проводив их взглядом до выхода, повернулся к всё ещё не ушедшему Цзинь Линьюэ.

— Брат Вэньян, а где твои слуги?

Цзинь Линьюэ легко улыбнулся:

— Я просто прогуливался, слуг с собой не брал.

Бай Юйхуэй бросил взгляд на зевающего во весь рот Бай Ланя и с улыбкой произнёс:

— Тогда позволь мне проводить тебя до дома.

Рот Бай Ланя едва не отвис до самого пола.

Их господин вызовется проводить кого-то до дома? Слыханное ли дело!

Бай Юйхуэй принял из чужих рук просторный плащ и велел Бай Ланю:

— Возвращайся в поместье и отдохни.

Цзинь Линьюэ хотел вежливо отказаться, но, заметив, что Бай Юйхуэй уже оделся и решительно направился вперёд, молча последовал за ним.

Ночь уже выдалась глубокой, редкие уличные торговцы понемногу сворачивали свои лавки.

За исключением мест ночных стоянок, где ещё теплилась какая-то жизнь, на дорогах почти не было прохожих.

Они шли бок о бок, и каждый шаг по синим каменным плитам отдавался чётким эхом.

Луна висела прямо над головой, всё так же веяло прохладным ветром. Они шли молча, не

обмениваясь ни словом, вот так неспешно двигаясь вдоль устланной брусчаткой дороги в самую глубь ночи.

Жилище Цзинь Линьюэ находилось в самом углу чрезвычайно уединённой улицы и казалось совершенно неприметным.

Когда они уже почти дошли, Бай Юйхуэй остановился.

Шедший вместе с ним Цзинь Линьюэ тоже замер и посмотрел на задравшего голову к луне Бай Юйхуэя.

— Луна нынче хороша, — равнодушно произнёс Бай Юйхуэй.

— Да.

— Так вот, брат Вэньян, мы... Берегись!

Бай Юйхуэй уже собирался попрощаться, как вдруг заметил неподалёку летящую прямо в сердце Цзинь Линьюэ стрелу.

Не раздумывая ни секунды, он схватил Цзинь Линьюэ за запястье, притянул к себе, увлекая в объятия, и, сделав несколько круговых оборотов, укрылся с ним в тени угла стены.

В то самое место, где они только что стояли, глубоко вонзилась серебристо-сверкающая стрела.

— Ты только прибыл в Столицу, а уже успел нажить врагов? — прижавшись ладонями к стене, тихо спросил Бай Юйхуэй у прижатого к нему человека.

Цзинь Линьюэ нахмурил брови, лихорадочно соображая, когда же он успел навлечь на себя такую беду.

Лоб овеяло теплом чьей-то крупной ладони.

— Ладно, с твоим характером ты всё равно не вспомнишь, кого обидел, не ломай голову. Я слышал, на крыше есть ещё несколько. Посиди здесь, я...

— Им нужен я, тебе идти бесполезно, — хладнокровно рассудил Цзинь Линьюэ.

И это была чистая правда.

— У тебя в поместье есть охрана? — Особняк Цзинь находился неподалёку, и если бы подоспело подкрепление из близлежащих мест, бояться было бы нечего.

— Нет, — предельно чётко ответил Цзинь Линьюэ.

Бай Юйхуэй безмолвно усмехнулся, но слуха не расслаблял, прислушиваясь к малейшему шороху на крыше.

— Я ведь уже три года не брался за оружие, Вэньян, ну ты и ходячее сокровище.

— Можешь понаблюдать издалика, брат Минъюнь.

Цзинь Линьюэ слегка нажал на запястье Бай Юйхуэя, оттолкнув его обратно к стене, и вальяжно вышел на открытое место.

Увидев цель, скрывавшиеся на крыше люди в чёрном один за другим спрыгнули на землю, готовясь к нападению.

Ясные глаза Цзинь Линьюэ в ночной темноте казались ещё более пронизательными. Заложив руки за спину, он спокойно стоял напротив нескольких фигур в чёрном.

Это место было донельзя глухим, здесь не было даже случайных прохожих.

Несколько расположенных относительно близко помещений уже давно закрыли двери на ночной покой, и даже если бы Цзинь Линьюэ сейчас завопил о помощи, тем потребовалось бы время, чтобы подняться.

Люди в чёрном решили, что Цзинь Линьюэ остаётся лишь покориться судьбе, а потому проявили некоторую беспечность.

Двое убийств с короткими клинками в руках подскочили к самому Цзинь Линьюэ, однако не успели и моргнуть, как их запястья пронзила острая боль, и клинки со звоном рухнули на землю.

Цзинь Линьюэ подбросил один меч носком правой ноги и поймал рукоять, а второй отпихнул ногой в дальний тёмный угол.

Наёмники переглянулись.

Согласно разведанным, этот Цзинь Линьюэ был кабинетным червем и вовсе не владел боевыми искусствами. Однако судя по тому, как ловко он только что отбросил клинок, он не

просто умел драться, а обладал весьма солидной силой.

И было ещё одно обстоятельство, повергавшее в изумление: тот человек, что провожал Цзинь Линьюэ домой — уж не Министр чинов ли Бай Юйхуэй? Вряд ли такое возможно.

Один — человек из клана левого премьер-министра, другой — из клана правого премьер-министра, как они могли сойтись вместе? Этого просто не может быть. Наверное, они обознались.

Не успел главарь наёмников додумать эту мысль, как Цзинь Линьюэ сам перешёл в наступление.

Короткие клинки были невероятно острыми, и стоило им хоть чуть-чуть задеть что-либо, как на лезвиях тут же закатались алые, словно бусины, капли крови.

Движения и уклонения Цзинь Линьюэ отличались поразительной гибкостью, оставляя наёмников в полном замешательстве.

Вскоре главарь раскусил боевой стиль Цзинь Линьюэ, выждал подходящий момент и попытался совершить скрытное нападение.

— Агх!

Совершить выпад не удалось: нападавший рухнул на колени, судорожно зажимая едва не перерезанное запястье, и бросил обиженный взгляд на тёмный угол у стены.

Короткий клинок, перерезавший ему сухожилия, прилетел оттуда.

Яростная сила и безупречная точность — такое явно не могло быть простой случайностью.

Он ждал. Ждал, пока обитатель тёмного угла выйдет наружу, чтобы подтвердить: его глаза не солгали.

Однако человека из тени он так и не дождался — вместо этого нагрянул ночной патрульный отряд стражи Внутреннего города.

Командир стражи в сопровождении подчинённых стремительно помчался к Цзинь Линьюэ.

Завидев неладное, убийцы один за другим запрыгнули на крыши и бросились врассыпную.

Цзинь Линьюэ одарил тёмный угол лёгкой улыбкой и с одобрением произнёс:

— А бросаешь метко.

Из темноты донёсся голос в ответ:

— Благодарю за похвалу. Я пойду первым, увидимся завтра.

Когда стражники наконец добрались до Цзинь Линьюэ, перед ними не оказалось ничего, кроме двух окровавленных коротких клинков и брызг крови на земле.

Коротко обрисовав командиру стражи случившееся и передав ему клинки, Цзинь Линьюэ безмятежно направился домой.

Стискивая в руке окровавленный клинок и провожая взглядом безупречно одетую в белое фигуру Цзинь Линьюэ, командир стражи испытал сильнейшее потрясение.

Новый управляющий Цзинь — да он же мастер боевых искусств!

Цзинь Линьюэ: «Они что, думали, что я бутафорская подушка для игл?»

Бай Юйхуэй: «Подушка? И куда же тебя воткнули? На теле? Какой узор вышили?»

Автор: «Брат, попридержи коней, ты ведь всё-таки при должности».

Бай Юйхуэй: «Тьфу! Как было бы прекрасно тихо-мирно жить со своим младшим соучеником, к чёрту эту службу».

Автор: «Угу-угу, так требует сюжет, сюжет требует...»

Глава четвёртая

Солнце второго месяца взошло как обычно, возвещая начало нового дня.

В тронном зале по-прежнему царила атмосфера светских любезностей и пустых разговоров о погоде.

Когда все уже собрались расходиться по своим ведомствам, облачённый в фиолетовое одеяние Цзинь Линьюэ отделился от толпы и, почтительно держа перед собой мемориал, опустился на колени перед тронным помостом.

Стоявший у трона евнух в недоумении принял ещё хранивший тепло ладоней Цзинь Линьюэ

свиток, передал его императору и замер сбоку, наблюдая за переменной выражения на лице правителя.

По мере того как император переворачивал страницу за страницей, лицо его становилось всё мрачнее.

Захлопнув мемориал, император произнёс редко звучащим во всей своей суровости голосом:

— Министр Чэнь, управляющий Цзинь, следуйте за Мной во внутренние покои, остальные — свободны.

Присутствующие застыли в крайнем изумлении.

Названный по имени министр финансов Чэнь и сам не понимал, в чём дело, и в растерянности опустился на колени у помоста.

А вот Бай Юйхуэй, затерявшийся в толпе, глядя на прямую спину Цзинь Линьюэ, тихонько усмехнулся:

— Как интересно.

Не прошло и полдня, как весть о том, что император отчитывал министра финансов во внутренних покоях, разлетелась по всей Столице.

Что же до истинной причины, о ней ведали лишь единицы.

В конце концов, зевак всегда полно, а вот тех, кто решает проблемы — единицы.

Бай Юйхуэй, устроившись в кресле с чашкой чая в руке, слушал донесения вернувшихся подчинённых.

Февраль в Государстве Шэньцзинь выдался на редкость холодным.

Нынче же этот месяц лютовал сильнее обычного.

Хотя пастухи заблаговременно загнали коров, овец и лошадей в заранее сколоченные загоны, свирепый ледяной ветер сводил все усилия на нет.

Меньше чем за полмесяца на пастбищах погибла почти половина скота.

В дальнейшем дело дошло до того, что мёрзли не только животные, но и живые люди в окрестных деревнях и городках.

Промчавшиеся в Столицу несколько дней назад гонцы везли с собой тревожные депеши о бедствии.

Заморозки неумолимо свирепствовали во всех окрестностях Государства Шэньцзинь.

Дошло до того, что некоторые зажиточные жители пострадавших от холодов районов задумали переселиться целыми семьями.

Стоило богачам уехать, как местная экономика покатилась по наклонной. Простым же людям приходилось выносить и ледяную стужу, и нехватку денег.

Один терпит, другой терпит, а когда сотни и тысячи нищих бедняков собираются вместе, неизбежно вспыхивают бунты.

В каждом регионе у императорского двора имелись расквартированные гарнизоны стражи — как раз для предотвращения подобных внезапных бунтов.

При этом численность гарнизонов распределялась строго пропорционально местному населению, и в этом крылся глубокий смысл.

Вот только после нескольких волнений выяснилось, что получающие государево жалование стражники не смогли извлечь никакой выгоды и чуть было не были разорваны в клочья обезумевшей толпой.

Когда весть дошла до Столицы, император лишь приказал отправить на подавление дополнительные силы и выделил из государственной казны двойные средства на оказание помощи.

Еще пару дней назад положение казалось слегка стабилизировалось.

Однако всего час назад Цзинь Линьюэ представил императору тот самый мемориал, снова взметнувший волну вокруг этого дела.

Если гарнизоны действительно были распределены в соответствии с расчётной численностью, бунты могли вспыхнуть, но не привели бы к таким колоссальным жертвам.

На это могло быть лишь две причины.

Первая: численность расквартированных войск оказалась заниженной, и сил гарнизона не хватило для противодействия чрезвычайной ситуации.

Вторая: количество проживающего на месте мирного населения оказалось слишком велико — настолько, что стражники просто растерялись.

Цзинь Линьюэ изучил поданные в текущем году списки новобранцев, отправленных на военную службу.

К своему удивлению, он обнаружил, что в нескольких пострадавших регионах число призванных не достигало и сотни человек.

Набор в армию начался полгода назад, когда стояла благодатная пора и никаких бедствий или катаклизмов не наблюдалось.

Откуда же взялось столь ничтожное число новобранцев?

Тогда Цзинь Линьюэ поднял архивы призыва за прошлые годы и выяснил, что начиная с пятилетней давности количество призывников в этих краях стремительно падало: с нескольких тысяч до сотен, а в итоге свелось к жалким сотням, и никто при этом даже не задался вопросом почему.

Цзинь Линьюэ доложил об этом статс-секретарю. Тот, поглаживая бороду, согласно кивал, после чего немедленно передал дело правому премьер-министру.

Коль дело нечисто, жди беды.

— Расследовать до конца, — таковы были три слова, сказанные правым премьер-министром.

Три ведомства, подчинявшиеся правому премьеру, в ту же ночь провели малое совещание, распределили задачи и принялись копать вглубь по этой ниточке.

Спустя всего два дня на поверхность всплыли факты о том, как министр финансов господин Чэнь подделывал регистрационные списки домохозяйств, обманывал вышестоящее начальство и уклонялся от уплаты налогов.

Население в отдалённых регионах расселено широко и неплотно, и чтобы собрать точные данные, действительно требовалось немало труда.

Местные чиновники, желая выплатить в казну меньше налогов и положить разницу себе в карман, решили сыграть на учёте населения.

Государственные налоги взимались с каждого человека: чем меньше значилось душ, тем меньше налогов платил регион.

Чиновники собирали с людей подати по реальной численности, но занижали официальные показатели, отправляя в казну лишь малую часть серебра, а большую часть клали в собственные карманы.

Занимая высший пост в Министерстве финансов, сам министр прекрасно осознавал эту маленькую махинацию.

Но кто же откажется от блестящего серебра? Никакие разговоры о честности и неподкупности не могли сравниться с кубком хорошего вина, купленного на украденные деньги, а потому он закрывал на всё глаза и молчал.

Пока Министерство финансов притворялось слепым, число потенциальных солдат в этих землях сокращалось на глазах.

Не может же из тысячи жителей восемьсот уйти в армию!

Поэтому во время каждого призыва местные чиновники затевали хитрости: хочешь служить — пожалуйста, выходи на поединок.

Победителей отправляли в армию, а проигравших отправляли обратно по домам.

Отобранные таким суровым отбором воины, конечно, были превосходными.

Зато количество засидевшихся дома молодых и крепких мужчин исчислялось тысячами.

Нынешний бунт подняли как раз эти бездельничающие дома здоровые парни.

Все они были рослыми и крепкими молодцами, которым полагалось бы служить родине и защищать народ, но вместо этого они копали землю и охраняли редиску — от такой доли у любого в душе накопилась бы обида.

В мемориале Цзинь Линьюэ выстроил рядышком данные о числе призывников в бунтующих регионах за каждый год, и любой человек, у которого глаза были на месте, сразу видел всю суть проблемы.

Император, держа в руках толстый свиток, приложил руку к лбу и тяжело вздохнул:

— Министр Чэнь, что вы можете сказать в своё оправдание?

Министр Чэнь никак не ожидал, что это дело вот так вытащат на свет, а потому на миг потерял дар речи и, молча стоя на коленях, опустил голову.

Разгневанный император швырнул мемориал вместе с недопитым горячим чаем прямо на голову министру Чэнь.

Выпить чашку горячего чая в морозный день — величайшее наслаждение, но оказаться облитым кипятком, в какую бы погоду это ни случилось — удовольствие сомнительное.

Министр Чэнь отчётливо чувствовал, как по лбу струится жидкость, но не смел даже поднять руку, чтобы вытереть её, продолжая стоять на коленях с поникшей головой.

Император велел Цзинь Линьюэ удалиться, а министру Чэню приказал простоять на коленях у входа в тронный зал ровно три часа.

Когда до Бай Юйхуэя дошли эти слухи, министр Чэнь уже целый час стоял на коленях в тени у входа во дворец.

То ли по воле императора, то ли сами по себе, но каждые полчаса маленькая служанка выплескивала перед министром Чэнем миску холодной воды.

Место было тeneвым и продуваемым — прекрасное убежище от зноя в разгар лета.

Но сейчас для министра Чэня оно превратилось в орудие пытки.

Под его коленями лежал небольшой пологий склон, и ледяная вода неумолимо стекала вниз, прямо под колени.

От пронзительного зимнего ветра вода мгновенно замерзала, и в суставы вонзалась жгучая боль, заставляя брови министра Чэня сходиться всё ближе.

Тем временем в главной резиденции правого премьер-министра Цзинь Линьюэ принимал похвалы и награды от самого хозяина дома.

Среди присутствующих также находились министр ритуалов и министр общественных работ.

Среди всех этих почтенных мужей лишь один молодой Цзинь Линьюэ стоял внизу залы, пока старики наперебой сыпали похвалами: то «прекрасно сделано», то «наконец-то выплеснули застарелую обиду и отомстили за статс-секретаря». Атмосфера сильно напоминала то, как Цзинь Линьюэ в детстве приветствовал старших по случаю праздников.

Только вот в те дни старейшины учили его скромности, вежливости и чувству меры. Нынешние же наставники внушали ему другое: не бывает великих дел без жестокости, а победа оправдывает любые средства.

Вспомнив детство, Цзинь Линьюэ ощутил приятное тепло в груди и невольно отвлёкся от происходящего.

Сидевший во главе стола правый премьер-министр Мэн Цзэ, заметив боковым зрителем, что Цзинь Линьюэ витает в облаках, невозмутимо произнёс:

— Я слышал, вчера у тебя случились неприятности?

Цзинь Линьюэ торопливо отогнал праздные мысли и ответил:

— Мелкие неурядицы, не стоит беспокойства премьер-министра.

Мэн Цзэ доброжелательно улыбнулся:

— Однако до меня дошли слухи, что вчера пролилась кровь.

Остальные присутствующие тут же испуганно переглянулись и принялись торопливо осматривать руки и ноги Цзинь Линьюэ на предмет ранений.

— Благодарю премьер-министра, благодаря тому, что командир стражи подоспел вовремя, ваш подчинённый не пострадал.

Правый премьер-министр с бесстрастным лицом продолжил мягким тоном:

— Хорошо, что всё обошлось. Вот только в твоём поместье давно пора завести пару надёжных людей. Пожалуй, так: чуть позже я отберу из своего особняка несколько толковых парней и пришлю к тебе в подарок в честь твоего прибытия в Столицу. Как ты на это смотришь?

Цзинь Линьюэ на мгновение задумался, затем склонил голову в знак благодарности.

Обменявшись ещё несколькими вежливыми фразами, чиновники разошлись, ожидая лишь окончательного исхода для министра финансов, который рисковал оставить на ледяных плитах половину своей жизни.

Едва окончилось утреннее заседание, как заместитель Ли перехватил Бай Юйхуэя у глухой стены служебного прохода.

— Ты только посмотри, что творит этот управляющий Цзинь! Вчера ещё с нами пил и за столом сидел, а сегодня повернулся спиной и знать нас не хочет?

Цзинь Линьюэ горько усмехнулся:

— Если память мне не изменяет, он изначально вовсе не собирался ни пить, ни сидеть с вами, это вы его силой притащили.

Заместитель Ли... на добрую полминуты лишился дар речи.

Затем принялся оправдываться:

— Но когда он собрался уходить, ты ведь сам велел мне задержать его!

Бай Юйхуэй смахнул с одежды налетевшие мелкие ледяные крупинки и легко улыбнулся:

— Разве я такое говорил?

— Не... разве не говорил?

Заместитель Ли уже начал сомневаться в собственной памяти: пить столько вина явно вредно для рассудка, даже спорить сил не осталось.

— Ты прекрасно знал, что он не из наших людей, и всё равно усадил его пить. Если дойдёт до слуха левого премьер-министра, в лучшем случае тебя сочтут безумцем, решившим заманить врага в ловушку, а в худ... боюсь, твоему сердцу придётся распахнуться навстречу проверке, черна ли в нём кровь или чиста, — повернув голову и заметив у ворот дворца промелькнувший край фиолетового платья, Бай Юйхуэй собрался было броситься в погоню.

Заместитель Ли вцепился в его рукав и жалобно протянул:

— Так ты об этом думал?! А я-то решил, что ты приказал мне оставить его! Ой, знал бы я, чем всё обернётся, ни за что не стал бы с ним вчера связываться! Что нам теперь делать? Будем смотреть, как министр Чэнь замерзает посреди ледяной пустыни? Если он продолжит стоять, его колени просто отвалятся!

Видя, что фиолетовый силуэт уже скрылся вдали и догнать его нет ни малейшей надежды, Бай Юйхуэй отступил на пару шагов, прислонился спиной к дворцовой стене и неторопливо произмолвил:

— В мирное время они не имели ни личных обид, ни вражды, а вращаясь при двоих дворах,

худа ли добра — должно сохранять лицо. Раз уж они открыто пошли на конфликт, очевидно: бьют не по ситуации, бьют по человеку. Как по-твоему, против кого всё это затевалось?

Заместитель Ли выпалил не задумываясь:

— Против левого премьер-министра!

— Мм, ума палата. Раз корень зла кроется у левого премьера, с какого конца надо браться, если хочешь спасти министра Чэня? Ты ведь не настолько наивен, чтобы тащиться к трону и умолять о помиловании? — рассудил Бай Юйхуэй.

Заместитель Ли мгновенно покраснел: он ведь и впрямь собирался приволочь Бай Юйхуэя к императору, чтобы вместе пасть на колени и вымолить прощение, авось удалось бы разжалобить правителя и избавить министра Чэня от кары.

Бай Юйхуэй вздохнул:

— Неужели ты не заметил, что после утреннего доклада на глазах не было твоего непосредственного начальника — министра наказаний?

Заместитель Ли сообразил с опозданием:

— И правда, с самого утра не видно. Куда это он запропастился?

Бай Юйхуэй с досадой обошёл заместителя Ли и зашагал вперёд:

— Ступай к воротам особняка премьер-министра, глядишь, и повстречаешь его.

Пройдя пару шагов, он обернулся и добавил:

— Впрочем, настоятельно советую тебе туда не соваться. Ни по долгу службы, ни по личным соображениям тебе там делать нечего. Возвращайся-ка лучше в ведомство наказаний и отсиди положенную смену — этим ты куда сильнее поможешь обоим министрам.

Заместитель Ли обхватил голову руками и присел у стены. Поразмыслив так и эдак, он наконец понял: соваться туда с мольбами о помиловании и впрямь было бы верхом глупости.

Бай Юйхуэй, ну ты и прожжённая лиса, про себя проворчал заместитель Ли.

Глава пятая

Прошло три дня, и дело наконец пришло к развязке.

За халатность при исполнении обязанностей и злоупотребление монаршим доверием министр финансов Чэнь был лишён всех постов, его имущество конфисковали, а всю семью сослали в родные края — в город Шучэн, запретив до конца дней появляться при дворе и занимать государственные должности.

На следующий день новый министр финансов уже занял своё место в тронном зале.

Придворные замерли в изумлении, разглядывая новоиспечённого сановника: им оказался человек из окружения правого премьер-министра, занявший кресло, прежде принадлежавшее людям левого премьера.

Это же надо — среди бела дня накинуть петлю на шею левому премьер-министру!

Однако сам левый премьер-министр, стоя на левом фланге с неизменно доброжелательной улыбкой, не выказал ни малейшего недовольства. Более того, когда император объявил имя нового министра финансов, он даже с улыбкой кивнул. Неужели... молчаливое согласие?

Поистине непредсказуемы ветра и тучи при императорском дворе.

Наконец суровый февраль подошёл к концу, и весна уже стучалась в двери.

<http://bllate.org/book/21823/2259728>